

Н. В. ПАВЛЮК

РАБОТЫ Б. В. ТОМАШЕВСКОГО О ЯЗЫКЕ И СТИЛЕ А. С. ПУШКИНА

Вопросы, связанные с изучением языка и стиля основоположника русского литературного языка А. С. Пушкина, освещены в отечественной науке еще далеко не полно. В связи с этим достаточно только указать на то, что общее пушкиноведение располагает колоссальным количеством всевозможнейшего рода работ, в которых рассматриваются самые детальные и частные моменты жизни и деятельности этого замечательного поэта (речь не идет даже об общих фундаментальных трудах, посвященных его памяти), и наряду с этим мы располагаем всего несколькими десятками работ, относящимися к изучению языка и стиля А. С. Пушкина.

В большинстве своем эти работы рассматривают частные вопросы, и мы до сих пор еще ни имеем общей фундаментальной работы, в которой рассматривался бы язык и стиль А. С. Пушкина в целом.

Уже современники поэта отчетливо и ярко представляли себе, насколько велико его значение в становлении и развитии русского литературного языка. Н. В. Гоголь еще при жизни поэта писал: «При имени Пушкина тотчас осеняет мысль о русском национальном поэте... В нем, как будто в лексиконе заключалось все богатство, сила и гибкость нашего языка. Он более всех, он далее раздвинул ему границы и более показал все его пространство»¹.

В. Г. Белинский в ряде своих статей неоднократно подчеркивал то колоссальное значение, которое принадлежит

¹ Н. В. Гоголь. Собрание сочинений, т. VI. Гослитиздат, 1937, стр. 59.

Пушкину в развитии русского литературного языка. Пушкин, — писал он в середине 40-х годов, — «окончательно преобразовывает язык русской поэзии, возводя его на высочайшую степень художественности, — и с ним первым являясь в русской литературе искусство, как искусство, поэзия — как художественное творчество»². В другой своей статье Белинский указывает: «Трудно охарактеризовать общими чертами великость реформы, произведенной Пушкиным в поэзии, литературе, версификации и языке русском.

...Достоинство пушкинского стиха... заключается в его художественности, в этой органической живой соответствии между содержанием и формой, и наоборот. В этом отношении стих Пушкина можно сравнить с красотой человеческих глаз, оживленных чувством и мыслью...»³.

Много можно было бы еще привести таких высокопоэтических характеристик значения Пушкина в развитии русского литературного языка. Очевидно, они и заставили языковедов обратиться непосредственно к изучению языка поэта.

Первыми серьезными попытками в этом направлении следует считать статьи Г. Миловидова «Язык Пушкина в его произведениях»⁴ и И. Н. Стафановского «О языке произведения Пушкина и Лермонтова»⁵.

Эти статьи не претендовали на исчерпывающее освещение вопроса, а ограничились только общими замечаниями, касающимися значения А. С. Пушкина в развитии русского литературного языка.

Более тщательно изучением языка Пушкина занялся воспитанник Новороссийского (Одесского) университета проф. Евгений Федорович Будде (1859—1929), который в 1901 году издал «Опыт грамматики языка А. С. Пушкина» (Часть I. Этимология. Отдел 1-й. Словоизменение. Вып. 1. Склонения имен существительных. СПб., 1901, XXXI+118 стр.).

К сожалению, проф. Будде впоследствии не возвращался к этому предмету, а ограничился только общим обзором значения Пушкина как «действительного творца новых образований в русском языке...», рассмотрением некоторых данных о произношении поэта и, наконец, подробнейшим образом охарактеризовал все возможные нюансы применения имени существительного в творениях гениального русского поэта.

Из работ советского периода наиболее пристального внимания заслуживают работы акад. В. В. Виноградова «Стиль Пушкина» (1941), «К изучению языка и стиля пушкинской

² В. Г. Белинский. Общее значение слова литература. Сочинения, т. VI, стр. 542.

³ В. Г. Белинский. Русская литература в 1841 г. Сочинения, т. VIII, стр. 33—35.

⁴ См. «Филологические записки», вып. I, 1887, стр. 1—22.

⁵ Там же, вып. III—IV, 1899, стр. 1—14.

прозы» (1949), «А. С. Пушкин — основоположник русского литературного языка» (1949), исследования Г. О. Винокура и др., а также известный «Словарь Пушкина» и т. д.

Особое место среди этих оригинальных, богатых мыслями и содержанием работ принадлежит работам доктора филологических наук проф. Б. В. Томашевского.

В сборнике «О стихе» (1929), посвященном в основном проблеме стихотворного ритма, Б. В. Томашевский уделяет большое внимание оформлению пушкинской стихотворной строки. Здесь мы находим следующие работы: «О стихе «Песен западных славян», «Генезис «Песен западных славян», «Ритмика четырехстопного ямба по наблюдениям над стихом «Евгения Онегина», «Пятистопный ямб Пушкина» и «Ритм прозы» («Пиковая дама»).

В 1948 году Б. В. Томашевский выступает с известной статьей «К истории русской рифмы»⁶, в которой большое внимание уделяется и пушкинской рифме. В 1951 году в журнале «Октябрь» (№ 7) он публикует свой доклад «Язык и литература», в котором убедительнейшим образом, на ярких примерах показывает, как «язык Пушкина, за ничтожными исключениями, остается литературной нормой доныне». В следующем году проф. Томашевский выступает с публичной лекцией «Язык и стиль» (Ленинград, 1952), в которой образно говорит о работе Пушкина над поэтическим словом, и, наконец, в 1956 году выходит его фундаментальный труд «Пушкин», равного которому в пушкиноведении пока еще нет. И в этой работе чрезвычайно большое внимание уделено языку и стилю А. С. Пушкина.⁷

Знакомство с названными работами позволяет сделать вывод, что проблема языка и стиля А. С. Пушкина не случайна в работах Б. В. Томашевского, что это органическая часть его большой и показательной работы в отечественном пушкиноведении. (Напомним, что языком и стилем Пушкина он начинает заниматься с 1909 года). Язык и стиль поэта исследователь рассматривает на широком материале как стихотворного, так и прозаического наследия русского национального поэта, и, наконец, что весьма важно, Б. В. Томашевский, особенно в последних своих работах, все чаще и чаще устанавливает взаимосвязи языка и стиля А. С. Пушкина как с его предшественниками, так и с последователями.

В данной статье автор останавливается только на общей характеристике понимания Б. В. Томашевским языка и стиля А. С. Пушкина.

⁶ См. Труды отдела новой русской литературы. М.—Л., 1948, стр. 223—280.

⁷ См. Б. В. Томашевский. Пушкин, кн. I. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1956.

Уже в ранних своих работах Б. В. Томашевский пытается установить специфику пушкинского стиха, ритмики и размера. Здесь может возникнуть вопрос, какое это имеет отношение к языку и стилю? Действительно, современная акцентология, ритмика, методика речи настолько мало изучены лингвистами, что другие представители обширной филологической науки могут, может быть, и с некоторым правом отбирать этот раздел языковедения себе. Но достаточно вспомнить первые русские и славянские грамматики, чтобы убедиться в том, что еще не в столь отдаленные от нас времена вопросы версификации занимали в них если не центральное, то во всяком случае почетное место. И кто бы ни исследовал эти вопросы, разработка их дает многое для понимания эстетики русской речи.

Б. В. Томашевский обращает внимание на то, что «стихи «Песен западных славян» по своему внешнему строю занимают особое место в пушкинском творчестве», что стихи эти «не поддаются разложению на однообразные стопы, на ямбы или на хорей, как большинство стихов Пушкина». Но, «с другой стороны, при всей видимой «вольности» своей формы, стихи эти отличаются какой-то особенной гармоничностью, совершенно не производя впечатления рубленой, рифмованной прозы, как стихи «Сказки о попе и его работнике Балде». От себя заметим, что поражает, как поэт тонко прочувствовал ритмомелодику западнославянских песен, которая именно этими свойствами и отличается в первую очередь.

Интересна и полемика Б. В. Томашевского относительно так называемого «закона трех ударений», который он считает простой фикцией и устанавливает свое оригинальное понимание размера этих пушкинских стихов, исходя из вольного размера «народного склада». Б. В. Томашевский в связи с этим приходит к очень справедливому и ценному выводу: «Не ритм рождается из сказа. Наоборот — сказ должен уметь осуществлять ритм... ритм сопровождал художника в творчестве».

Таким образом, Б. В. Томашевский уже в первых ранних своих работах пытается установить взаимосвязь, которая существует между формой и содержанием, причем на таких острых примерах, которые касаются ритмомелодики русского языка.

В «Генезисе «Песен западных славян» исследователь детальнейшим образом проанализировал черновики, отдельные наброски поэта, что позволило ему представить себе, как постепенно испытывал Пушкин свои силы в избранном жанре и какая колоссальная работа была проделана поэтом в изучении языка и стиля народных русских песен.

В последующих своих работах этого сборника Б. В. Томашевский рассматривает вопросы, связанные с распределением ударения в стихе, расположением словоразделов, исследует

пятистопный ямб Пушкина, ритм прозы великого писателя и т. д. В этих работах много ярких наблюдений, остроумных замечаний, резких критических соображений о языке и стиле А. С. Пушкина. Следует, однако, подчеркнуть, что все они буквально тонут во всякого рода процентных выкладках, схемах, диаграммах.

Естественно, что во всей этой «арифметике» не так уж трудно разобраться, но она волей-неволей как раз и закрывает собой, поглощает своеобразие прелести языка А. С. Пушкина, от эстетики здесь, к сожалению, почти ничего не остается. Такие страницы скучно читать, и они не помогают ощутить всю прелесть великого поэта...

Это была дань формализму и, следует признать, высокоталантливая дань. Ограниченный условиями своего времени молодой тогда еще Б. В. Томашевский нетрезвонно проявил себя. А ведь хорошо известно, что в свое время Томашевский преподавал высшую математику.

Таким образом, на первом этапе своего творческого пути проф. Б. В. Томашевский исследовал главным образом ритмикомелодию пушкинской речи.

После этого начинается следующий этап его исследований, когда он обращается к рифме. В 1948 году появляется работа «К истории русской рифмы», в которой проф. Томашевский выясняет выразительную функцию стихотворной речи в целом и отдельных составляющих ее элементов.

На пути этого изучения, как известно, постоянно возникают затруднения, потому что такие специфические приметы стиха, как размеры, рифма и др., отсутствуют в прозе или по крайней мере резко меняют свою функцию. Другими словами, «изучение стиха ведет нас к изучению таких сторон речи, какие в обычных формах выразительной речи отсутствуют».

Как же преодолевает это затруднение проф. Б. В. Томашевский? Прежде всего он требует строго дифференцировать эпохи, среды и обстановки, в которых творили те или другие поэты:

«...под общим названием рифмы мы встречаемся с самыми разными системами созвучий, и совершенно недопустимо переносить нормы, характерные для одной эпохи и среды, в другую эпоху и в другую обстановку. О рифме Маяковского нельзя говорить терминами, применяемыми к рифме Пушкина, еще наивнее рифмы XVI и XVII вв. классифицировать по системе рифм русских символистов. Каждая система звуковых соответствий требует своего изучения. Прилагать ко всем системам общий шаблон и изучать индивидуальные формы рифмы лишь как отклонения от этого шаблона так же незаконно, как незаконно описывать диалект как ряд отклонений или «искажений» общелитературной нормы».

Этот вывод идет дальше того конкретного материала, который автор анализирует в своей статье. Вывод поучителен для каждого языковеда, ибо многие, даже заслуженные и опытные языковеды часто не понимают того, что каждая эпоха имеет свои специфические языковые средства. Так, например, акад. Шахматов, акад. Виноградов, проф. Пешковский и др. по-разному определяют значение форм родительного падежа принадлежности (одни суживают, другие расширяют его функции и т. д.). Но беда в том, что авторитеты эти в своем понимании значения принадлежности исходят из фактов (примеров) разных эпох развития русского литературного языка. Но никто еще не доказал (и, на наш взгляд, это и доказать невозможно), что на протяжении всей длительной и многогранной истории развития, скажем, русского языка у его носителей было одинаковое понимание принадлежности и одинаковое грамматическое выражение ее. Таких примеров можно привести большое количество, и в этом отношении указания проф. Б. В. Томашевского весьма поучительны для многих.

Далее Б. В. Томашевский показывает, как явления русского «гражданского» произношения, проникают в поэтический язык ряда писателей и в том числе А. С. Пушкина (типа: надо — ограда, надо — Шехерезада и т. д.). Все это дает возможность установить произношение самого поэта и его современников.

Большое место уделяется в этой статье разговорной простоте, которая замечается в стихах «Евгения Онегина» и особенно «Бориса Годунова». Интересно и показательны то, что автор не боится характеризовать эту простоту как простоту «в выборе слов, в отборе оборотов, в синтаксисе и интонации, но не в читке самого стиха... Поэтому система рифм по существу не изменилась», короче, «изменился репертуар рифм, но не система рифмовки. Существенные изменения в системе рифмовки происходят только в середине XIX века. Практиком и теоретиком новой рифмы явился Алексей Толстой». Единственно, в чем только можно упрекнуть Б. В. Томашевского — это то, что он не устанавливает преемственности последующих поэтов (того же Толстого и др.) с наследием родоначальника новой русской поэзии А. С. Пушкина.

Правда, в заключении статьи, ставя проблему для последующих исследователей, ее автор указывает: «Эволюция рифмы не шла, конечно, прямолинейно, и реальная картина ее пестра и сложна. Ростки будущего намечаются иногда задолго до того, как это будущее восторгается».

«Надо думать, — продолжает автор, — что общими усилиями лингвистов и литературоведов этот пробел (пробел в изучении истории русской рифмы. — Н. П.) в наших знаниях будет восполнен, и тем самым, наши суждения о природе рус-

ского поэтического языка приобретут более точный и более уверенный характер».

В следующей своей работе — «Язык и литература» — Б. В. Томашевский еще глубже и шире рассматривает языковое наследие А. С. Пушкина. Здесь автор очень тактично, но в категорической форме выступает против попытки прошлого размещать примеры, выписанные из сочинений Пушкина, по грамматическим категориям общерусского литературного языка. «...При такой системе изучения языка писателя, — справедливо указывает исследователь, — исчезает все индивидуальное и получается грамматика литературного языка определенной эпохи, данная на материале сочинений Пушкина».

К сожалению, авторы отдельных работ о языке Пушкина не до конца восприняли это глубокое критическое замечание талантливого пушкиноведа. Это во многом касается таких работ, как «Морфологический состав предлогов и некоторые особенности предложного управления в языке прозаических произведений А. С. Пушкина» И. Гомонова (псковского исследователя), «О языке «Бориса Годунова» А. С. Пушкина» В. Г. Васильева (магнитогорского исследователя), и ряда других.

Б. В. Томашевский совершенно справедливо указывает, что «единство общенародного языка вовсе не говорит о его однородности». И если это так, то своеобразие языка Пушкина самым ярким образом свидетельствует об этой «неоднородности».

Далее автор совершенно четко определяет место и значение Пушкина в развитии русского литературного языка. Он говорит:

«Падение карамзинской реформы литературного языка совпадает с деятельностью Пушкина. Роль Пушкина в истории литературного языка известна: Пушкин — создатель русского литературного языка и родоначальник новой русской литературы. Именно Пушкин освободил литературный язык от дворянского налета, обогатил его на народной основе. Пушкин явился наследником не только Карамзина, но и Фонвизина и Крылова.

Язык Пушкина, за ничтожными исключениями, остается литературной нормой доньше». Однако это не значит, — предупреждает автор, — что литературный язык не развивался и после Пушкина.

Долг историков языка и литературы — показать, как отразилась на судьбах литературного языка эпоха деятельности революционных демократов, в частности Некрасова.

Не меньшего внимания заслуживают великие писатели-реалисты XIX века, а в наше время — основоположники социалистического реализма. Таким образом, язык Пушкина рассматривается здесь в плане общего развития русского ли-

тературного языка. И в этом отношении Б. В. Томашевский как всегда глубок и оригинален.

Дальнейшее развитие этих идей мы находим в известной работе «Язык и стиль». Во многих местах этой работы Б. В. Томашевский стремится восстановить то понимание значения языка, которое существовало у самого Пушкина.

Вслед за А. М. Горьким Б. В. Томашевский говорит: «Пушкин первый понял подлинную природу разграничения литературного и «сырого» народного языка. Изменение языка происходило и после Пушкина. Книжный литературный язык был и до Пушкина. Следовательно, рубеж заключается не в наличии или отсутствии изменений в составе языка или в его нормах, а в принципиальном изменении норм литературного языка».

Какое глубокое и какое замечательно тонкое наблюдение! Не в нем ли до некоторой степени кроется разгадка и по сей день еще не решенного спора о том, в чем состоит разница между известными стилями (скажем, стилем критического и социалистического реализма), и не ищут ли отдельные наши современные исследователи в решении этого вопроса отдельных частных изменений норм, которые свойственны каждой эпохе, забывая о п р и н ц и п и а л ь н о м изменении этих норм?

Б. В. Томашевский самым подробным и тщательным образом на страницах этой работы исследует все те отношения к новому языку Пушкина, которые существовали в эпоху самого поэта. В этом отношении здесь приводится чрезвычайно богатый фактический и библиографический материал.

И еще на одну любопытную черту указывает Томашевский:

«У Пушкина в пределах одного произведения наличествуют различные стили, потому что он не знает монотонности жанровых стилей. У него сталкиваются в произведениях различные эмоции, как в жизни. Реализм требовал столкновения индивидуальностей и настроений в их смене.

Нельзя анализировать тексты Пушкина, — продолжает автор, — по нормам XVIII в.; поэт руководствовался иными нормами, и, забывая о них, мы всегда можем совершить ошибку в оценке стиля отдельных произведений Пушкина, а следовательно, для нас останется непонятной его историческая роль в развитии языка».

Разумеется, что здесь идет речь о жанровых стилях, а не об эпохальных направлениях и что здесь автор критикует современников Пушкина, которые оценивали его новаторство с позиций XVIII века. Но не уподобляются ли некоторые современные литературоведы тем, кого критикует автор, когда стремятся стиль социалистического реализма оценить с позиций XIX века, втискивая его в узкие теперь уже нормы, которые характеризовали, скажем, стиль критического реализма,

кстати сказать, забывая о жанровых разновидностях этого (социалистического) стиля?

Б. В. Томашевский мастерски разбирает язык наиболее зрелой поэмы Пушкина «Медный всадник». Он указывает, что здесь «совершенство присущего поэту стилю доведено до предела», в поэме «мы находим образцы выразительного разнообразия стиля». В ней сталкиваются идеи высоких исторических судеб России... и несчастной судьбы обедневшего потомка когда-то знатного рода. И эти две идеи воплощаются в повествовании в словесных формулировках разного стиля:

*Ужасен он в окрестной мгле!
Какая дума на челе!
Какая сила в нем сокрыта!*

(Ужасен! на челе! сокрыта!)

О Евгении Пушкин говорит:

*Картуз изношенный сымал
Смущенных глаз не подымал
И шел сторонкой.*

(Картуз... сымал... сторонкой...)

Можно было бы еще привести много таких блестящих примеров анализа стихов Пушкина, сделанных Томашевским.

Перейдем к рассмотрению мыслей о языке и стиле Пушкина, которые высказал Б. В. Томашевский в своей последней книге «Пушкин».

Прежде всего показательным для этого завершающего произведения является то, что здесь, как ни в одном произведении, творчество Пушкина, а значит, и его язык рассматриваются в единой и целой системе. «Из всех черт, — говорит автор, — присущих Пушкину на всем протяжении его жизни, самой заметной и определяющей является непрерывное развитие, постоянное стремление к будущему, преодоление всего, что мешало движению вперед».

Автор показывает, как постепенно, в борьбе, рождалось у Пушкина сознательное отношение к языку, как молодой Пушкин постепенно усваивал, не всегда разбираясь в тонкостях вопроса, ту борьбу, которая существовала между шишковистами и карамзинистами, и как со временем он приходит к четкому и ясному пониманию значения народного языка в деле развития литературного.

Первая книга Б. В. Томашевского охватывает, как известно, творчество поэта с 1813 по 1824 год. Рассмотрены здесь все произведения этого периода, и при анализе каждого из них автор останавливается на языке. Особенного внимания заслуживают места книги, где речь идет о стилистике поэмы «Руслан и Людмила», «Цыганы» и т. д.

Так, разобрав все существующие мнения о языке поэмы

«Руслан и Людмила», автор приходит к широкому, обобщающему, собственному и оригинальному выводу:

«Однако из того, что поэтическая фразеология «Руслана и Людмилы» уже встречается в произведениях Пушкина, равно как находится в элегиях Батюшкова, Жуковского, Вяземского, не следует заключать, что язык «Руслана и Людмилы» не представляет собой ничего нового. Поэты вообще не изобретают нового языка, а художественно применяют уже существующий. Точно так же и язык «Руслана и Людмилы» существовал и до создания поэмы. Но применялся он до тех пор в элегиях. Здесь он впервые применен в обширном повествовании. В этом отношении поучительно сопоставить то, что сделал Жуковский в «Двенадцати спящих девах». Там он к обширному повествованию применил свой балладный язык, и получилось то, что он не сумел выйти за пределы того литературного жанра, в котором сложился подобный язык. В результате получилась не поэма, а растянутая баллада. Сам автор определил ее «Старинная повесть в двух балладах». Между тем Пушкин создал именно поэму. И в поэме подобный язык звучал впервые. Вот почему и нельзя тесно связывать «Руслана и Людмилу» с традицией сказочных и волшебных поэм. «Руслан и Людмила» существенно отличается от них самим типом повествования. Язык здесь является только показателем этого жанрового различия».

Подобные широкие и обобщающие выводы делает автор и по другим пушкинским творениям. В этой работе сконцентрировано все, к чему пришел Б. В. Томашевский, изучая творчество Пушкина на протяжении всей своей содержательной творческой жизни.

Начав с ритмомелодики пушкинского стиха, исследовав своеобразие пушкинской рифмы, он к концу жизни пришел к глубоким и обобщающим выводам, касающимся не только своеобразия пушкинского языка и стиля; он мастерски сумел показать ту глубокую и напряженную эволюцию, которую пережил великий поэт в совершенствовании своего языка; он сумел определить те жизненные связи, которые существовали у поэта как с его предшественниками и современниками, так и с последующими творцами великого русского литературного языка.

После смерти Б. В. Томашевского появляются еще две его работы о языке поэта. Одна из них — «Вопросы языка в творчестве Пушкина» — была опубликована в первом томе известного сборника «Пушкин. Исследования и материалы», изданного АН СССР в 1956 году, вторая — «Строфика Пушкина» — опубликована во втором томе того же издания. Обе работы вошли в книгу Б. В. Томашевского «Стих и язык. Филологические очерки», которая была издана в 1959 году.

Эти работы представляют собой итог размышлений Б. В.

Томашевского над стихом, языком и стилем великого русского поэта. В них автор далеко ушел от своих ранних работ «описательного» характера. В центре его внимания находятся вопросы неразрывной связи формы и содержания поэзии Пушкина на широком историческом фоне, что позволяет ему сделать ряд выводов общего характера.

Чтобы убедиться в этом, достаточно сослаться на следующие строки первого из вышеупомянутых исследований. «Проблема языка и стиля Пушкина, — пишет Томашевский, — представляется в несколько ином свете, чем аналогичная проблема по отношению ко многим другим русским писателям. Вопрос заключается не только в индивидуальных особенностях языка писателя и в стилистическом применении словаря и форм национального языка. С именем Пушкина связывается представление о рубеже в истории развития русского литературного языка (разрядка наша. — Н. П.)»⁸. И действительно, Б. В. Томашевский подходит к языку Пушкина как к проблеме целого этапа в развитии русского литературного языка.

Ценными являются наблюдения автора, касающиеся изменений, которые произошли в русском литературном языке со времени Пушкина до наших дней. Но эти изменения не столь принципиальны как те, которые характеризуют язык Пушкина по сравнению с предшествующим ему этапом развития русского литературного языка, ибо «то новое, что ознаменовало язык пушкинского времени, отличается не столько в количественном, сколько в качественном отношении: это не «многочисленные», а «существенные» изменения, сближающие язык Пушкина с нашим. С тех пор происходили большие изменения в языке, в его словарном составе и даже отчасти в грамматическом строе, но не такие существенные, не меняющие принципиальных основ литературного языка»⁹.

Все последующие страницы этой работы и направлены на то, чтобы раскрыть эту глубокую проблему, показать, сколь сознательно подходил Пушкин к вопросу создания литературного языка, в какой напряженной полемической обстановке все это происходило. Исследование изобилует яркими наблюдениями над упорной и вдохновенной работой Пушкина над языком, и, что особенно следует подчеркнуть, — автор стремится, как и в предыдущих своих работах, показать Пушкина в связи с предшествующими и последующими периодами развития русского языка. Все это позволяет Томашевскому сделать правильный вывод о творчестве Пушкина в целом, которое «является наиболее заметным этапом в истории литера-

⁸ Б. В. Томашевский. Стих и язык. М.—Л., Гослитиздат, 1959, стр. 370.

⁹ Там же, стр. 372.

турного языка позднейшего периода его развития. Его стилистическая система органически влилась в дальнейший языковой процесс. Эта стилистическая система исходила из принципов реализма, явившегося, в свою очередь, основой развития русской литературы, принципом, которому литература наша не изменяла никогда»¹⁰ (разрядка наша. — Н. П.).

«Строфика Пушкина» завершает собой все то, что было сделано автором в области изучения пушкинского стиха. Следует указать на то, что в этой работе автор по-новому подходит к определению самого понятия «стиха». Для него это не «единица стихотворной речи», а только определенный компонент, которым характеризуется стихотворная речь, которая может конструктивно распадаться на единство разных степеней, в связи с чем «и самый стих может быть разложен на более мелкие единицы, и наоборот, комбинация стихов может создавать более крупные единицы, из которых каждая распадается на ряд стихов»¹¹.

Такой широкий подход к пониманию стиха позволяет автору глубже вникнуть в метрику языка поэта, более оригинально членить на строфы некоторые стихотворения А. С. Пушкина (автор, например, ставит под сомнение правильность разделения стихов «Ночной зефир») ¹².

В дальнейшем проф. Б. В. Томашевский характеризует признаки, при помощи которых строится стихотворная строфа (рифма, определенная последовательность в строфе стихов разного размера, ритмико-интонационная замкнутость и т. д.), исследует «репертуар циклических форм стихотворений» поэта, указывая, что «в собственном творчестве Пушкина мы не замечаем такого разнообразия строфических форм, которое характерно для некоторых поэтов конца XVIII века и даже для отдельных его современников. В этом отношении. — отмечает автор, — Пушкин был классиком в строгом смысле слова»¹³.

Самым тщательным образом исследователь анализирует разного типа ямбические строфы Пушкина, которые для него наиболее характерны; за ними идут хорейские, амфибрахейские строфы и т. д. Особое внимание уделяется строению основной пушкинской строфы — онегинской, которая определяется как строфа, обладающая «исключительной цельностью и замкнутостью».

«Строфа «Онегина», — пишет Томашевский, — это не только ритмико-синтаксическая, но и сюжетно-тематическая едини-

¹⁰ Б. В. Томашевский. Стих и язык, стр. 358.

¹¹ Там же, стр. 204.

¹² Там же, стр. 203.

¹³ Там же, стр. 218.

ца, ступень повествования, миниатюрная глава рассказа. Отсюда политематизм романа, возможность свободно «забалтываться» (по выражению Пушкина)¹⁴.

Так исследователь от отдельных моментов формы и ритмики стиха переходит не только к ритмико-синтаксическим единицам, но и к сюжетно-тематическим. Именно в четком представлении единства формы и содержания и состоит основное значение последних работ Б. В. Томашевского о языке и стиле А. С. Пушкина.

¹⁴ Б. В. Томашевский. Стих и язык, стр. 300.

ПУШКИНСКИЕ НАУЧНЫЕ КОМИССИИ ИНСТИТУТА
ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ МФ АН СССР И ОДЕССКОГО ДОМА
УЧЕНЫХ

ПУШКИН
НА ЮГЕ

Труды
Пушкинской конференции
Одессы и
Кишинева

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ШТИНЦА»
МОЛДАВСКОГО ФИЛИАЛА АКАДЕМИИ НАУК СССР
КИШИНЕВ * 1961